

3. Мазилев В.А. Актуальные методологические проблемы современной психологии // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 2. – № 2. – С. 149–155.

4. Мазилев В.А. Методология современной психологии: актуальные проблемы // Сибирский пси-

хологический журнал. – 2013. – № 50. – С. 8–16.

5. Мазилев В.А. Перспективы парадигмального синтеза в современной психологии // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 2. – № 3. – С. 186–194.

УДК 159.9:316.6

**Дымова Екатерина Николаевна
Харламенкова Наталья Евгеньевна**

*доктор психологических наук, профессор
Институт психологии РАН, г. Москва
grebennikovakaty@mail.ru, nataly.kharlamenkova@gmail.com*

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЖЕСТКОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ*

Актуальность исследования проблемы психологической безопасности личности состоит в выявлении специфических механизмов приспособления человека к сложным жизненным обстоятельствам. Цель исследования – проанализировать представления о психологической безопасности и социальной поддержке в условиях жесткой регламентации социальных ролей.

Ключевые слова: психологическая безопасность, представление, амбивалентность, социальная поддержка, солдаты срочной службы.

В отечественной психологии проблема психологической безопасности личности поставлена совсем недавно и продолжает оставаться остро актуальной [2]. Социальные конфликты, терроризм, стрессы становятся практически повседневным явлением жизни современного человека и закономерным образом стимулируют проведение исследований, в которых изучаются последствия влияния этих факторов на психическое благополучие и безопасность личности [3]. Считается верным зависимость потребности в безопасности от окружающих человека условий, обстоятельств, которые, однако, воздействуют на него не прямо, а опосредованно, преломляясь через систему внутренних факторов, личностных особенностей [5].

Необходимость в системном изучении психологической безопасности вызвана отсутствием точного определения этого явления и сложностью выделения данного термина из множества близких по смыслу понятий. Кроме того, до настоящего времени проблема психологической безопасности исследовалась в рамках отдельных дисциплин, таких, например, как психология труда, социальная психология (психология семьи) и др. и сконструировать общую теоретическую модель психологической безопасности личности не представлялось возможным.

Основываясь на результатах проведенных нами исследований [4] в эмпирическую модель психологической безопасности личности была включена новая переменная – изменение социального ста-

туса (срочная служба в армии), которая позволила регулировать уровень рисков психологической безопасности и наблюдать изменение представлений о ней в зависимости от различных социальных условий, в частности в зависимости от жесткости регламентации социальных ролей. Настоящее исследование вносит вклад не только в теорию психологической безопасности личности, но и в исследование проблемы социально-психологической адаптации военнослужащих срочной службы, позволяя выявить специфические механизмы приспособления к сложным жизненным обстоятельствам [1]. Это тем более важно в свете обнаруженной нами тенденции: большинство исследований, проведенных на разных выборках солдат-срочников, посвящено изучению психических заболеваний, в том числе шизофрении, тревожности, депрессии [8; 10], а также таким явлениям как буллинг и дедовщина [9]. Из наиболее близких к настоящей проблеме можно отметить исследование личностных особенностей и совладающего поведения в стрессовых ситуациях [7], а также работу, посвященную изучению установки на риск и на безопасность и их связи с лидерством и сплоченностью группы [6].

Состояние, в котором находятся солдаты срочной службы можно рассматривать как неоднозначное: с одной стороны, его можно оценивать как стрессовое, а с другой, как мобилизующее силы, требующее от человека демонстрации выносливости, жизнестойкости, стрессоустойчивости. Выявить эту амбивалентность, показать двойственность

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (№ проекта 13-06-00390).

можно на примере оценки психологической безопасности.

Ранее нами были исследованы представления о психологической безопасности у молодых людей в возрасте 18–26 лет [4]. Факторизация наиболее часто выбираемых дескрипторов показала, что по сравнению с двумя другими возрастными – 27–40-летними и 45–55-летними людьми, для 18–26-летнего возраста наиболее нагруженным фактором является фактор «позитивное окружение». Учитывая тот факт, что различия в представлениях о психологической безопасности могут определяться не только возрастом, но и полом, а также рядом условий, благодаря которым половые различия могут становиться еще более контрастными, были сопоставлены три группы респондентов: девушки и юноши, обучающиеся в вузах и юноши, проходящие службу в армии (солдаты срочной службы).

Цель выявить особенности представлений о психологической безопасности и социальной поддержке в условиях жесткой регламентации социальных ролей.

Гипотезы:

1. В условиях жесткой регламентации социальных ролей представления о безопасности имеют амбивалентный характер: с одной стороны, психологическая безопасность ассоциируется с потребностью в социальной поддержке, в поддержке со стороны близких, а с другой – с обращением к собственным ресурсам, с развитием особых качеств.

2. Социальная поддержка является одним из факторов, обеспечивающих психологическую безопасность, при этом отдельные показатели социальной поддержки связаны с разными аспектами (дескрипторами) психологической безопасности.

Респонденты. В исследовании приняли участие 123 человека мужского пола в возрасте от 18 до 25 лет, проходящие срочную воинскую службу в частях Московской области (основная группа) и студенты гуманитарных ВУЗов г. Москва, всего – 132 человека в возрасте от 18 до 26 лет, из них: женщин – 60, мужчин – 72 (группы сравнения).

Методики. Для оценки представлений о психологической безопасности и для диагностики отдельных показателей социальной поддержки применялись Анкета психологической безопасности (Н.Е. Харламенкова) и Опросник социальной поддержки F-SOZU-22 G. Sommer, T. Fydrich (1993) в адаптации А.Б. Холмогоровой. Анкета психологической безопасности представляет собой список из 60 дескрипторов, ассоциирующихся с психологической безопасностью. Респонденту необходимо оценить степень близости того или иного дескриптора к своему представлению о психологической безопасности (от +2 – абсолютно соответствует до -2 – совершенно не соответствует). По результатам опроса оценивается характер ассоциаций и их предпочтение. Опросник социальной поддержки направ-

лен на определение типа социальной поддержки в межличностных отношениях и содержит ряд утверждений с ответами от «совсем не соответствует» до «полностью соответствует», включает следующие шкалы: эмоциональная поддержка (наличие позитивного чувства близости, доверия и общности); инструментальная поддержка (возможность получения важной, полезной информации, получения помощи в решении проблем, в домашних, учебных делах, оказание материальной помощи); удовлетворенность социальной поддержкой (степень удовлетворенности респондента вниманием и пониманием других людей, его оценку этих отношений, как безопасных, доверительных); социальная интеграция (наличие круга значимых людей и людей с общими интересами, а также степень включенности опрашиваемого человека в этот круг, ощущение человеком собственной значимости для данной группы лиц). Подсчитывался общий балл по всем шкалам.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программного пакета STATISTIKA 7.0: критерии: U-критерий Манна-Уитни, коэффициент корреляции – критерий Спирмена (r_s), факторный анализ (метод Principal components, Varimax raw).

Для оценки предпочтений в выборе дескрипторов в сравниваемых группах, был проведен подсчет суммы баллов по ответам +1 и +2 по каждому из 60 дескрипторов Анкеты у всех респондентов группы, а затем были рассчитаны верхние квартили. Если суммы баллов по определенному дескриптору превышали значения верхнего квартиля, то их рассматривали как наиболее предпочитаемые ассоциации. Результаты представлены в таблице 1, где показаны дескрипторы, набравшие наибольшие суммы. Порядковый номер указывает на большее (№ 1) или меньшее (№ 15 или 16) предпочтение дескриптора в группе значимых ассоциаций.

Важно отметить, что для юношей обеих групп предпочтительными оказываются контроль ситуации, уверенность в себе, самосохранение и здоровье. Различия между ними состоят в том, что для солдат-срочников такими же важными оказываются «надежные друзья, верность» и «поддержка, помощь», а для юношей-студентов – «наличие денег» и «свобода». Группа девушек отличается иными предпочтениями: на первом месте стоит «уверенность в окружении», «защита, защищенность», а затем «контроль ситуации», «дом, жилье» и «уверенность в себе». Интересно отметить, что в группу наиболее часто выбираемых дескрипторов у юношей-студентов по сравнению с основной группой не попали: «поддержка, помощь», «доверие», «любовь», «терпимость, сдержанность», «позитивное окружение». У девушек (по сравнению с 2-мя группами юношей) отсутствуют пункты «жизненный опыт, опытность», «компетентность, ум». Особенностью основной группы по сравнению с юно-

Предпочтение в выборе дескрипторов в группе солдат-срочников
и в группах студентов – юношей и девушек

Дескрипторы	Основная группа (солдаты-срочники)	Группа сравнения (юноши)	Группа сравнения (девушки)
контроль ситуации	1	1	3
уверенность в себе	2	2	5
надежные друзья, верность	3	8	9
самосохранение	4	4	11
поддержка, помощь	5	-	6
здоровье	6	6	7
свобода	7	5	14
доверие	8	-	12
жизненный опыт, опытность	9	10	-
надежность	10	11	8
любовь	11	-	-
терпимость, сдержанность	12	-	-
компетентность, ум	13	13	-
уверенность в окружении	14	16	1
позитивное окружение	15	-	-
наличие денег	-	3	-
владение информацией	-	7	15
дом, жилье	-	9	4
защита, защищенность	-	12	2
обдумывание, прогнозирование	-	14	-
активность, скорость реакции	-	15	-
чувство комфорта	-	-	10
мир в стране	-	-	13

шами/девушками является ассоциация психологической безопасности с «любовью», «терпимостью, сдержанностью» и «позитивным окружением».

Статистический анализ результатов показал, что по сравнению с юношами (группа сравнения) девушки в большей степени ассоциируют безопасность с поддержкой, помощью ($U=1510$, $p=0,003$), с родителями ($U=1494$, $p=0,002$), поддержкой отца ($U=1634$, $p=0,01$) и матери ($U=1307$, $p=0,00$), с надежным спутником, опорой ($U=1587$, $p=0,009$), с окружением ($U=1637$, $p=0,02$), домом, жильем ($U=1731$, $p=0,049$). Кроме того, девушки считают себя в безопасности при *отсутствии* ряда ситуативных признаков – тревоги ($U=1698$, $p=0,03$), угроз ($U=1630$, $p=0,02$), опасностей ($U=1625$, $p=0,02$) и при наличии защиты, защищенности ($U=1530$, $p=0,004$), доверия ($U=1687$, $p=0,03$) и чувства комфорта ($U=1565$, $p=0,007$). Однако, значимые для девушек факторы – поддержка окружения и близких, спокойная обстановка, защищенность и положительные эмоции сопряжены с чувством долга и ответственностью ($U=1584$, $p=0,008$), которые у юношей выражены в меньшей степени.

Сравнительный анализ представлений юношей обеих групп показал, что из 60 предикторов по 26 пунктам наблюдаются различия. Не останавливаясь на ассоциациях, редко выбираемых респондентами, отметим, что в ассоциациях основной группы явно видна выраженная амбивалентность: с одной стороны подчеркивается необходимость

поддержки, помощи в целом ($U=13117$, $p=0,001$) и, в частности, поддержки отца ($U=13122$, $p=0,005$), матери ($U=13775$, $p=0,00$), родителей ($U=13117$, $p=0,001$), друзей ($U=13017$, $p=0,01$), наличие надежного спутника и опоры ($U=13130$, $p=0,004$), а с другой стороны, демонстрируется, что психологическая безопасность невозможна без физической подготовки, силы ($U=12801$, $p=0,04$), без работы, труда ($U=13288$, $p=0,001$), без жесткости, напористости ($U=12824$, $p=0,04$). Для юношей основной группы безопасность связана с целым спектром чувств – с радостью, любовью, счастьем, доверием, с проявлением терпимости и сдержанности.

Факторизация наиболее частотных переменных (метод Principal components, Varimax raw) выявила у девушек: 1 фактор (собств. вес – 3,0, 29,8% объясняемой дисперсии) – *надежный спутник, опора; наличие денег; дом, жилье; поддержка, помощь; чувство комфорта*; 2 фактор (собств. вес – 1,7, 16,6% объясняемой дисперсии) – *уверенность в себе; доверие; уверенность в окружении; здоровье; отсутствие тревоги*. У юношей группы сравнения самыми нагруженными оказались: 1 фактор (собств. вес – 3,4, 28,1% объясняемой дисперсии) – *свобода; надежность; защита, защищенность; уверенность в окружении; мир в стране; поддержка, помощь; равновесие, стабильность*; 2 фактор (собств. вес – 1,9, 16,1% объясняемой дисперсии) – *компетентность, ум; обдумывание, прогнозирование; контроль ситуации; самосохранение*.

У юношей основной группы 1 фактор (собств. вес – 4,1, 21,5% объясняемой дисперсии) – *доверие*; надежность; надежные друзья, верность; любовь; позитивное окружение; поддержка, помощь; уверенность в окружении; свобода; 2 фактор (собств. вес – 1,5, 7,9% объясняемой дисперсии) – *контроль ситуации*; самосохранение; уверенность в себе; физическая подготовка, сила; компетентность, ум; здоровье; терпимость, сдержанность.

Результаты факторного анализа подтверждают первую гипотезу о том, что юноши основной группы представляют психологическую безопасность неоднозначно: с одной стороны она ассоциируется с доверием, поддержкой и помощью, а с другой стороны, с контролем ситуации, с физической силой и компетентностью.

При использовании Опросника на социальную поддержку выяснилось, что в основной группе наиболее тесные связи ($n=13$) дескрипторов Анкеты на психологическую безопасность наблюдаются со шкалой «Эмоциональная поддержка». Значимыми на уровне $p<0,01$ оказались связи со следующими дескрипторами: «надежность», «надежные друзья, верность», «уверенность в окружении» и «жизненный опыт, опытность»; на уровне $p<0,05$ – связи с дескрипторами «терпимость, сдержанность», «позитивное окружение», «поддержка отца», «мир в стране», «самоанализ, самопознание», а также «обдумывание, прогнозирование», «отсутствие тревоги», «избегание опасности». «поддержка мамы». Меньше связей ($n=8$) со шкалой «Инструментальная поддержка»: на уровне $p<0,01$ – с дескриптором «поддержка, помощь» и на уровне $p<0,05$ – с дескрипторами «порядок, соблюдение норм, правил», «жизненный опыт, опытность», «надежность», «контроль ситуации», «физическая подготовка, сила», «личная территория», «обращение к Богу, религии». Все обсуждаемые связи положительные.

Обратные связи выявлены со шкалой «Социальная интеграция» ($n=2$): с дескрипторами «наличие денег» и «свобода» (при $p<0,05$) и прямые – со шкалой «Удовлетворенность поддержкой» ($n=5$): с дескрипторами «доверие», «надежность», «личная территория», «защита, защищенность», «надежда на лучшее» (при $p<0,01$).

Интересно отметить, что повторяющиеся связи найдены только с двумя дескрипторами «надежность» и «жизненный опыт, опытность». В остальном, наблюдается специфичность связи представлений о психологической безопасности с параметрами социальной поддержки, что подтверждает вторую гипотезу исследования.

Обсуждая результаты, отметим, что кроме вклада переменной «пол» значительный вклад в различия в представлениях о психологической безопасности, делает фактор «перемена социального контекста», в том числе, связанный с принятием жестко регламентированных социальных ролей. Ока-

залось, что, находясь в позиции подчиненного, солдаты срочной службы начинают испытывать потребность в поддержке со стороны окружающих, которая, в первую очередь, обеспечивает их безопасность, причем эта помощь важна не столько как инструментальная, сколько как эмоциональная поддержка. Кроме того, у них сохраняется внутренний ресурс, собственный потенциал, свойственный юношам этого возраста. Он проявляется в использовании когнитивных – обдумывание, прогнозирование, компетентность/ум и эмоциональных стратегий – уверенность в себе. К этим ресурсам (в отличие от юношей-студентов) добавляется фактор физической силы – физическая подготовка, сила и регулятивный фактор – терпимость, сдержанность.

Важно также отметить, что связь параметров социальной поддержки с отдельными аспектами психологической безопасности достаточно специфична. Оказалось, что наиболее тесные связи обнаружены с эмоциональной поддержкой, причем чувство близости, доверия подкрепляется отношениями с близкими людьми (отец, мать), с друзьями и с миром в стране в целом, обеспечивая психологическую безопасность; кроме того, это чувство поддерживается реализацией активных жизненных стратегий – обретение жизненного опыта, самоанализ и прогнозирование, избегание опасных ситуаций. Инструментальная поддержка реализуется внешними средствами – установление порядка, контроль, наличие личной территории, физическая подготовка, а социальная интеграция – только через отрицание свободы и денег как факторов, препятствующих доверительному взаимодействию в референтной группе.

Подводя итог, отметим главное, а именно, что психологическая безопасность определяется двумя разнонаправленными тенденциями. Одна из них ориентирована на внешний мир, от которого ожидается помощь, либо он контролируется или избегается. Другая направлена на собственные ресурсы – когнитивные, эмоциональные, физические. Проведенное нами исследование показало, что когда человек попадает в ситуацию с жестко регламентированными ролями и занимает подчиненную позицию, его представление о безопасности становится более амбивалентным: кроме собственных ресурсов актуализируется стратегия обращения за помощью к близкому кругу общения, и в большей степени ожидается эмоциональная поддержка, которая слабо компенсируется проявлением внешней заботы (инструментальная помощь) и практически не поддерживается стратегией социальной интеграции, которой препятствует жесткая регламентация ролей.

Библиографический список

1. Дымова Е.Н. Специфика связи психологической травматизации и психологического благополучия у военнослужащих // Психология стресса и со-

владающего поведения: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Кострома, 26–28 сентября 2013 г. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – Т. 2. – С. 176–179.

2. Журавлев А.Л., Тарабрина Н.В. Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям // Проблемы психологической безопасности / отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 5–21.

3. Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В. Террористическая угроза: современное состояние и проблемы // Проблемы психологической безопасности / отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 367–398.

4. Харламенкова Н.Е. Представление о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты // Современная личность: Психологические исследования / отв. ред. М.И. Воловикова, Н.Е. Харламенкова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 141–160.

5. Харламенкова Н.Е. Личностная безопасность и стратегии ее достижения // Проблемы психологической безопасности / отв. ред. А.Л. Журавлев,

Н.В. Тарабрина. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 133–159.

6. Börjesson M., Österberg J., Enander A. Risk and safety attitudes among conscripts during compulsory military training // *Military Psychology*. – 2011. – Vol. 23(6). – Nov. – P. 659–684.

7. Larsson G. Personality, appraisal and cognitive coping processes, and performance during various conditions of stress // *Military Psychology*. – 1989. – Vol. 1(3). – P. 167–182.

8. Lönnqvist J.-E., Verkasalo M., Haukka J., et al. Premorbid personality factors in schizophrenia and bipolar disorder: Results from a large cohort study of male conscripts // *Journal of Abnormal Psychology*. 2009. – Vol 118(2). – May – P. 418–423.

9. Ostvik K., Rudmin F. Bullying and hazing among Norwegian army soldiers: Two studies of prevalence, context, and cognition // *Military Psychology*. – 2001. – Vol. 13(1). – P. 17–39.

10. Stefanis N., Smyrnis N., Avramopoulos D., et al. Factorial composition of self-rated schizotypal traits among young males undergoing military training // *Schizophrenia Bulletin*. – 2004. – Vol. 30(2). – P. 335–350.

УДК 159.9:316.6

Казымова Надежда Наильевна

*Институт психологии Российской академии наук, г. Москва
kazymovan@gmail.ru*

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ИНДИКАТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ С РАЗЛИЧНОЙ ИНТЕНСИВНОСТЬЮ ПЕРЕЖИВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ*

Эмпирическая оценка психологической безопасности может быть проведена с помощью конструкта психологического благополучия. Показано наличие связи между переживанием террористической угрозы, психологическим благополучием и признаками негативной аффективности, а также специфика этой взаимосвязи у мужчин и женщин.

Ключевые слова: психологическая безопасность, психологическое благополучие, террористическая угроза, негативная аффективность.

Одной из наиболее значимых угроз современности является терроризм. Благодаря средствам массовой информации террористическая угроза (ТУ) приобрела всеобъемлющий, глобальный характер: люди переживают угрозу терактов как угрозу собственной безопасности даже в тех местах, где никогда не происходило никаких террористических событий [1; 4]. Доказано, что переживание ТУ, понимаемое как субъективная оценка риска стать жертвой теракта, относится к числу стрессоров высокой интенсивности, способных вызывать у уязвимой части населения психопатологические симптомы [1]. Таким образом, ТУ представляет собой актуальную угрозу психологической безопасности.

Можно выделить два основных подхода к рассмотрению безопасности. Согласно первому подходу, безопасность представляет собой свойство среды, в которой находится субъект, т.е. «способность различных материальных и социальных систем сохранять устойчивость (свое качество) при различных отрицательных явлениях» [6]. Второй подход предполагает рассмотрение безопасности в контексте защищенности внутренних условий жизни личности. Иными словами, безопасность может служить показателем внутреннего состояния человека, его психологического здоровья, ресурсов, ценностей, переживаний или отношений [4].

Отсутствие чувства безопасности (ощущение опасности) приводит к восприятию широкого кру-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (№ проекта 13-06-00390).